

ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ

УДК: 94(477+560): 327: 341.222 «1704/1705»

Владислав Грибовский*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СТЕПНЫХ ВЛАДЕНИЙ ОСМАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ В 1704 И 1705 ГГ.

У статті розглядаються обставини та хід розмежування кордонів Туреччини та Росії, а також ставлення до нього прикордонних спільнот: запорожців, ногайців, кримських татар. Подано висновок: і Росія, і Туреччина були зацікавлені в такому розмежуванні, однак йому переешкоджали вказані прикордонні спільноти через те, що вбачали в цьому загрозу своїм інтересам.

Ключові слова: фронтир, прикордонні спільноти, Туреччина, Росія, запорожці, ногайці, кримські татари.

До начала XVIII в. степное пространство Восточной Европы составляло огромную пограничную зону, которая не охватывалась постоянным действием государственных систем и не имела четких границ. Ни Османская империя, ни Речь Посполитая, ни Россия не располагали возможностями для создания инфраструктуры, необходимой для полноценного функционирования своей администрации в степных районах, следовательно – и обозначения пределов распространения своего суверенитета, территории своей ответственности.

Политическое положение в этой зоне определялось сложным взаимодействием Стамбула, Варшавы и Москвы, проявлявших взаимоисключающие экспансионистские устремления. До 80-х годов XVII в. внешнеполитической инициативой здесь владели Османы, направлявшие через посредство Крымского ханства набеги причерноморских кочевников то на Речь Посполитую, позволяя усилиться России, то на Россию, в случае ее чрезмерного усиления. Добиваясь таким образом выгодной для себя расстановки сил в Восточной Европе, Стамбул обеспечивал безопасность своих

* Кандидат історичних наук, науковий редактор видавництва «Герда» (м. Дніпропетровськ)

причерноморских владений, привязывал Бахчисарай к своей орбите и высвобождал ресурсы для осуществления экспансии в Центральной Европе и Средиземноморье [2, с. 235-242]. Такая стратегия согласовалась с пониманием границы как *Darülharb* – «дом войны», в котором происходил *serhad* – продвижение Ислама, в отличие от *Darüislam* – «дома Ислама». Заключение договоров и фиксация в них границ с христианскими государствами, согласно этой доктрине, считались временной остановкой на пути дальнейшей экспансии [14, с. 21]. Для Речи Посполитой, наоборот, было характерно внимательное отношение к границам и регулирующим их актам. Факт владения Великого княжества Литовского причерноморской степью между Днестром и Днепром (утраченного в конце XV в.), в Варшаве рассматривали как прецедент, на который ссылались при каждой попытке разграничения с Османской империей, начиная с 1542 г. [17, с. 88]. В то же время, южная граница России не имела фиксации в международных договорах. Ее фактическое положение определялось наличием «засечных черт», состоящих из сети городов и других укреплений, расположенных на путях, по которым производились набеги подвластных Крыму кочевников; гражданская администрация в полной силе действовала лишь в относительно заселенных районах, где сформировались уезды [3, с. 4-5]. «Украинные города» служили также границей и с Войском Донским, на которое царь имел ограниченное влияние [13, с. 20].

Энтропия государственной власти на степной периферии в значительной мере была обусловлена деятельностью пограничных обществ: с одной стороны – ногайцев и крымских татар, с другой – запорожских и донских казаков. Характерные для населения обеих сторон степного порубежья экстенсивные формы землепользования, дисперсия и высокая подвижность в расселении, неустойчивость социальных рангов, исключая стабильное подчинение центральной власти, а также разнообразные формы набеговых практик создавали условия, при которых пограничную территорию с огромным трудом можно было охватить даже самой гибкой системой государственного

регулируемого. Каждая попытка усиления централизации вызывала противодействие пограничных обществ и, в случае ее нарастания, приводила к социальному взрыву и нежелательным политическим последствиям.

«Широтный» характер степной границы и ее политико-правовая аморфность содержали в себе набор признаков, позволяющий отнести ее к типу границ-пространств или фронтиров. Данный тип существенно отличается от четко демаркированных границ-линий, «физическая» ширина которых не имеет значения. Линейная граница была возможна лишь тогда, когда сопредельные государства в одинаковой степени смогли унифицировать управление своей территорией вплоть до самых ее пределов. Иными словами, – реализовать принцип «совпадения государственного суверенитета с пределами государственной территории» [11, с. 209].

Этот принцип в отношении степного пограничья впервые был применен на Карловицком конгрессе 1699 г., когда, по выражению У. МакНила, «консолидированные бюрократические монархии» – Австрийская, Османская и Российская – объединили усилия для демаркации своих границ и их систематического контроля [19, с. 126-128]. Отдельно заключенный в Стамбуле турецко-российский мирный договор 1700 г. зафиксировал намерение обеих сторон устранить напряженность в пограничной зоне, проложить границы и наказывать виновных в «набегах и неприятельствах»; решение пограничных споров возлагалось «на рубежах сущих губернаторов и крымских ханов, и калг, и нарадынов и иных салтанов» [10, с. 68-70].

Начиная переговоры с Турцией, Россия имела сильные позиции: ее войска в 1695 г. и 1696 гг. овладели турецкими крепостями, замыкавшими проход по Днепру и Дону в Черное море, – Кизи-Керменом и Азовом. Но Порты оказалась более готовой к отстаиванию своих интересов дипломатическими средствами, располагая богатым опытом отношений с европейскими государствами. Не имея такого опыта, царь Петр I значительную часть полномочий по вопросам границы делегировал украинскому гетману И.С. Мазепе [12, с. 79], полагаясь на

его знания степных дел и длительное общение с властями Крыма, польскими и турецкими пограничными губернаторами. Примечательно, что его переписка с силистрийским пашою велась на польском и турецком языках [6, с. 39], а русский текст «межевой записи», утвержденной турецкими и российскими представителями в октябре 1705 г., переводился на польский язык, также как и турецкий текст, посредством чего производилась сверка [8, с. 472]. Неуверенное владение процедурами, в выработке которых Россия не принимала участие, сказалось на ошибках ее дипломатии, которая не всегда могла распознать уловки со стороны турок. Вроде тех, от которых предостерегали запорожцы: если турки для определения границы предложат от Перекопа «ехать конскою ступистою ездою прямо в степь.., то ... могут у себя таких добрых ступистых коней сыскать, что может в сутки уехать миль сорок и болши, и такою ездою доедут до Сечи» [6, с. 42].

В ходе заключения мирного договора туркам удалось частично переиграть россиян. Первоначально они добивались возвращения всех захваченных земель, уничтожения находящихся на них укреплений и эвакуации военных команд; затем, ввиду начала конфликта России со Швецией, повысили планку претензий, требуя передачи крепостей в целом состоянии, чем намеренно завели переговоры в тупик. Оказавшись в стесненном положении, Петр I согласился на возвращение Кизи-Кермена с примыкающими к нему крепостями, при условии сноса фортификаций и отказа Порты от заселения данной местности. Однако Азов и прилегающие к нему земли в «десяти милях» (иначе: 10 часов верховой езды) по направлению к Кубани были признаны владением России [16, с. 37-38]. Обе империи, не будучи готовыми к возобновлению войны, соблюдали основные требования договора, однако выискивали в нем лакуны, позволяющие без явного его нарушения продвинуть свои военные объекты как можно ближе к границе. Особенно преуспела в этом Россия, соорудив вблизи границ крепость Каменный Затон и продолжая укреплять города Таганрог и Троицкий. Она брала реванш за дипломатический

проигрыш и усиливала свое присутствие на степной периферии, чем вызвала крайнее беспокойство пограничных обществ.

В Крыму были очень недовольны условиями мира, сведшими на нет всю внешнеполитическую активность ханства и понизившими его значение почти до уровня провинции. Проявляли беспокойство и ногайцы, которые в ходе многолетней войны в большом количестве сосредоточились в Буджаке и приспособились жить преимущественно за счет военной добычи. Сразу после подписания Карловицкого договора они демонстративно совершили крупный набег на владения Речи Посполитой, а осенью 1700 г. поддержали бунт калги Гази Гирей-султана, с большим трудом подавленный крымским ханом Девлет Гиреем. Одновременно вышли из повиновения черкесы и соединившиеся с ними ногайцы, кочевавшие на Кубани; для их усмирения потребовалась отдельная экспедиция из Крыма [12, с. 83-88; 16, с. 60-61]. Укрепив свои позиции, Девлет Гирей вскоре сам выступил в роли бунтовщика. Он завязал тесные контакты с запорожцами и настойчиво предлагал Порте возобновить войну с Россией, полагая, что ее крепость Каменный Затон угрожает безопасности Крыма и потому является грубым нарушением договора. Появление этой крепости в нескольких километрах от Сечи возмутило запорожцев и подтолкнуло их к сближению с Крымом. Порта, блокируя этот нежелательный для нее уклон действий Девлета, отстранила его от трона. Он выехал в Буджак и объявил местным ногайцам о намерении самовольно выступить против России. Под его началом моментально собралось войско, но сразиться ему пришлось с турецкой армией, пытавшейся его остановить. Потерпев поражение, он нашел временный приют на Запорожской Сечи, затем выехал на Дон, потом на Кубань, где его выдали туркам. Российскому правительству потребовались немалые усилия, чтобы удержать запорожцев под своей властью и прервать их отношения с Крымом [12, с. 88-97]. Хотя менее успешными были его попытки сдерживать нарастающее брожение на Дону, Тереке и в Астрахани, где вскоре произошли крупные потрясения, так или

иначе связанные с процессами, происходящими на османско-крымском пограничье.

Наметившееся сближение между пограничными обществами – конфликтовавших в течение длительного времени, но теперь обнаруживших общность своих интересов – стало неприятным сюрпризом для Стамбула и Москвы. Обе империи оказались на грани полного разлада и без того шаткой системы управления своей степной периферией. Это, в сочетании с другими факторами, понуждало их правительства налаживать прагматическое сотрудничество в вопросах демаркации и контроля границ, а также координировать свои действия в отношении пограничного населения, как и учитывать его интересы. Для этого в первую очередь нужно было договориться о технологии разграничения. Трудность данного вопроса заключалась в том, к началу XVIII в. не существовало ни точной картографии территории, подлежащей разграничению, ни названий ее местностей, общепонятных как в Турции, так и в России, ни документов, удостоверяющих владельческие права пограничного населения на каждое конкретное место; да и высокая подвижность населения степи составляла отдельную проблему.

Наиболее простым участком для разграничения оказалась территория к юго-востоку от Азова. Это объяснимо тем, что, во-первых, во время ее завоевания Россией находившееся на ней население (преимущественно турки и ногайцы) отошло к р. Кубань и в другие районы Османской империи, т. е. это была буквально «пустая земля»; во-вторых, ранее она принадлежала Порте и теперь ею передавалась России, потому ни донские казаки, ни ногайцы не могли считать ее своей; третье, 7-я статья договора предусматривала очень конкретную процедуру определения границы: на расстоянии 10 часов верховой езды от Азова «ровной ступью». Петр I, полагая, что «сие дело малое и упрямитца не в чем», приказал азовскому губернатору И.А. Толстому добиваться, чтобы дело о границе было закончено летом 1704 г. Данная царем инструкция предписывала Толстому соглашаться с большинством предложений

турок, «в степь лишнего не захватывать, а делать как можно протиф договором, понеже в степи нам никакова надобства нет», но при этом стараться, чтобы устье р. Ея закрепить за Россией [8, с. 156]. Комиссия по разграничению собралась позднее желаемого царем срока, – 9 октября. Турецкую сторону на ней представлял ачуевский паша Хасан, равный по статусу с Толстым. Оба губернатора имели в распоряжении примерно одинаковые военные отряды. Хасан-паша располагал 200 янычарами и сейменами крымского хана, 10 кубанскими мурзами во главе 1000 ногайцев; в 10 верстах от места проведения комиссии находилось еще около 2000 ногайцев, которым запретили приближаться. Под началом Толстого было около 1400 военнотружущих из Азова и 600 донских казаков. Для определения места границы комиссия отправила по 3 турецких и российских представителя; 11 октября они с часами выехали на конях из Азова к Ее, пересекли ее и остановились через 3 часа. В определенной таким образом границе с российской стороны установили дубовый столб, обложенный камнями и имевший железный крест наверху, с турецкой – насыпали курган. Комиссия заседала еще больше недели, однако, из-за отъезда турецких представителей, акт о разграничении не был подписан [1, с. 214-215].

Определение турецко-российской границы со стороны Днепра было сопряжено с куда большими сложностями, в первую очередь из-за наличия здесь пестрой и подвижной чересполосицы, образовавшейся в результате почти неконтролируемого расселения пограничных обществ. Подавив бунт Девлет Гирея, Порта спешила размежевать свои владения в Северном Причерноморье, чтобы сосредоточиться на решении обострившихся внутренних проблем. Причем необходимость разграничений возникла и внутри османских владений, прилегающих к степи. Летом 1699 г. султан Мустафа II издал фирман о размежевании территории Молдовы, вакуфа Исакча и «султанских сел» (кышла), где ранее поселились ногайцы, постоянно совершавшие набеги на молдаван, и восстановлении старых пограничных знаков [15, с. 448-459].

В течение 4-х лет после подписания Карловицкого мира правительство Речи Посполитой, также находящейся в глубоком внутреннем кризисе, не решалось приступить к делимитации своих границ на юго-востоке и тянуло время, дожидаясь более удобного момента. Под нажимом Стамбула Варшава приступила к разграничению, которое происходило с 28 сентября по 14 октября 1703 г. Появившаяся в результате граница имела четкое обозначение в виде «копцов», равномерно покрывающих участки между реками, служащими естественными рубежами. Польско-турецкая граница тянулась от Днестра в районе устья р. Ягорлык, далее шла по Кучманскому шляху и заканчивалась в месте впадения р. Синюха в р. Южный Буг; здесь, как считали польские представители, начинались земли Войска Запорожского, находящегося в подданстве России [18, с. 52-55], хотя они не скрывали от турок, что противоположный берег Буга «в споре у них с казаками» [6, с. 60]. В том же году гетман Мазепа ожидал турецких представителей для размежевания турецких и российских территорий, но Порты отложила их приезд [7, с. 194].

В 1704 г. гетман вплотную занялся подготовкой пограничной комиссии, вступив в переписку с силистрийским пашою Хаджи-Юсуфом. Инструкция, данная Петром I, требовала от него руководствоваться заключенным в Стамбуле договором, «не прибавляя и не убавляя ничего»; при встрече с турецким уполномоченным соблюдать принцип равенства по количеству задействованных людей и их рангу. Требование царя, «чтоб татарских мурз, и беев, и татар, яко к сему непотребных, при том постановлении не было, понеже они всячески развратити учиненной мир ... тшатца для разбойнических своих грабежей, согласясь вместе с таковыми же плуты запорожцы», адресовалось все той же проблеме сближения пограничных обществ. Предполагалась не только делимитация границ, но и их четкая демаркация: «признаки ставити по тем местам с общаго совету, что пристойно каменми или иным чем выкладывая, и смотреть того накрепко, дабы утеснения никакова Малороссийскому краю не было; и где леса по речкам, угрожие ко всякому строению, того смотреть же,

чтобы были в наших границах, так же и Каменного Затона не истеснити тою межею. И делать о всем осторожно и не вельми поспешая в том совершении» [7, с. 199-200]. Для встречи турецких уполномоченных Мазепа отправил своих представителей – гетманских старшин Григория Коровченко (Карповича) и Дмитрия Максимовича [6, с. 32, 37], для представительства центральной власти выехал думный дьяк Емельян Украинцев. Но заседание комиссии так и не состоялось из-за отъезда турок, причину чего российский посол в Стамбуле усмотрел в назначении нового визиря и неразберихе, царившей в султанском дворе [8, с. 217, 221].

В апреле 1705 г. паша сообщил гетману, что прибытие турецкого комиссара к Южному Бугу должно состояться в мае-месяце. Для встречи с ним снова командировали Украинцева, который 1 мая безуспешно пытался уточнить время приезда своего турецкого коллеги. Несмотря на вновь затягивавшуюся неопределенность, Украинцев должен был продолжать порученную ему миссию, поскольку царь, стесненный обстоятельствами войны со Швецией, требовал проложить границу с Турцией во что бы то не стало, дожидаясь ее комиссаров хоть до осени [8, с. 218]. 21 мая думный дьяк вместе с теми же представителями гетмана переправился через Днепр и направился к условленному месту на Южном Буге, о чем известил силистрийского пашу Хаджи-Юсуфа [6, с. 39-40].

Прибытие царского и гетманских пограничных комиссаров встревожило запорожцев. 24 мая кошевой атаман Константин Гордиенко потребовал от Украинцева сообщить, «каким способом и по какие приметы с комиссаром турским граничение утвердить имеете» Кошевой заявил о своем видении оптимальной для Запорожья границы: «еще когда Ачакова и не было слыхано, тогда Войско Запорожское по место то Ачаковское Днепром владели, ни с кем не разграничиваючи... Наша граница войсковая по самой Ачаков пространством обретается» [6, с. 30]. Посланный думным дьяком подьячий был встречен на Сечи крайне неприветливо. Кошевой удивлялся намерению

произвести разграничение, поскольку при Алексее Михайловиче, когда Войско Запорожское перешло из польского в российское подданство, «границы не бывало»; установление он считал нарушением «вольностей», гарантированных при том переходе. Если граница будет проходить по левобережью Южного Буга и вдоль нее с обеих сторон построят крепости, то запорожцы, как полагал Гордиенко, потеряют угодья, на которых издавна имели рыболовные и звероловные промыслы, как и добычу соли. «Татары будут им в том чинить препятствия, а хотя и позволят рыбу ловить, и то исполу или ис трети, и уже приходит до того, и последние с себя кафтаны будут ... запорожцы отдавать татаром». Потому кошевой предлагал прокладывать границу «от Ачакова по ту сторону Богу ... и до урочища Десяти Могил», считая их запорожскими, как и Старый городок (Старый Очаков), находившийся на правом берегу Буга, утверждая, что еще Богдан Хмельницкий пускал в него крымцев на зиму. Поскольку было невозможно удостоверить это документально, Гордиенко предлагал привлечь к работе комиссии «старых казаков, которые породились на Днепре и знают все места и урочища, которыми издревле владели запорожцы», называл их «живыми пунктами» для предъявления «на улику туркам и татарам». Последние же, по его убеждению, на те места «не имеют никакого явного свидетельства». Кроме того, кошевой обижался, что царь не прислал на Сечь особой грамоты о разграничении [6, с. 32-33]. Присылка подьячего рассматривалась им как статусное понижение Запорожья; с особым пренебрежением отнесли на Сечи к посланцам от гетмана Мазепы, о котором здесь сложилось представление как о проводнике власти Москвы.

Поведение запорожских казаков всполошило Украинцева. Хотя в его распоряжении находилось более 800 московских стрельцов, слободскоукраинских и гетманских казаков, он дожидался турецких комиссаров, «перехаживая с места на место для конских кормов с немалою осторожностью, опасаясь от запорожцев», чтоб они «обыклым обловом конских стад у нас не отогнали» [6, с. 27-28, 44]. 31 мая в Сечи приняли нового

посланца Украинцева. На войсковой раде его спросили о «назначении и размере границ в полях, около Сечи Запорожской лежащих», затем высказали ему возмущение отсутствием царской грамоты с объявлением о разграничении; письма думного дьяка, гетмана и его представителей, как говорили запорожцы, для них мало что значат. Также слышались угрозы: если Украинцев станет прокладывать границы возле Кизи-Кермена и принимать суда из Очакова (турецких комиссаров), то чтоб он «остерегал своего здоровья». Гордиенко занимал более умеренную позицию, чем большинство запорожцев. Составив ответ на письмо думного дьяка в присутствии куренных атаманов, он распорядился, чтобы его прочли на войсковой раде. Выслушав, казаки обругали кошевого и старшину; Гордиенко положил насеку и «ухоронился». На сечевом майдане произошла драка между теми, кто хотел избить посланца, и кто был против того. Когда утихло, войсковой есаул и куренные атаманы разыскали Гордиенко и упросили его снова взять насеку. Кошевой наконец утвердил на раде ответ думному дьяку и попросил посланца словесно передать, чтоб он к Кизи-Кермену не ездил. К этому времени 300 конных запорожцев вышли из Сечи для препятствия разграничению, в Кизи-Кермен отправлено 30 конников для оповещения о приходе Украинцева и, на случай такого, были подготовлены лодки для транспортировки пеших казаков [6, с. 35-39].

Такая реакция запорожцев крайне усложняла дело. Стараясь вывести его из тупика, Мазепа просил Украинцева учесть интересы запорожцев при разграничении и хлопотал у царя о грамоте, адресованной им [6, с. 34-35]. 20 июня он сообщил в Сечь о скорой присылке царской грамоты и просил не препятствовать разграничению, по царской воле происходящему, иначе, «не дай Боже, так на себе, яко и на нас, все Войско и весь народ малороссийский, не натягли в потомный час монаршого гніву». Примечательны разъяснения гетмана: «тое разграниченъе з Портою.., якие по всім світі в всіх монархиях суть, жебы по учиненю и укріпленю границ не было грабителств и забойств, но свободно было так з нашей стороны, яко и з стороны Порти Оттоманской и

панства Крымского, каждому в полях и в річках звіринніе и рыбніе ловлі и добычи міти» [4, 963]. Со своей стороны, Украинцев, пытаясь сгладить конфликт, стал информировать запорожцев о ходе подготовки разграничения и переписке по поводу него с турецкой администрацией [6, с. 40-41]. Хотя запорожцев это мало удовлетворяло. 22 июня Гордиенко намекнул о выходе из российского подданства: «а буде изволит [государь] сечевой курень, отмежевав, кому отдать, и они будут тому и повинность отдавать, чья будет Сеча» [6, с. 42]. Кошевой продолжал настаивать, чтобы в работе комиссии принял участие «знающий казак», из тех, кто живет на Буге, могущий на правом берегу этой реки «указать старые признаки, которыми в старину учинена граница у поляков с турками, а ... на тех признаках выбиты литеры, неподалеку от Ста Могил и Старого Ачакова и бани каменной» [6, с. 42]. В письме от 27 июня Гордиенко еще раз упомянул о надписи на камне, которая «пространно» удостоверяет границу, проложенную при великом князе литовском Витовте, и заявил, что уже в то время казаки имели свой кош на Южном Буге у Семенова Рога [6, с. 48]. Вряд ли стоит сомневаться в существовании камня с надписью, служащего пограничным знаком, о котором так уверенно говорил кошевой, поскольку в то время это можно было легко проверить. Но содержание той надписи не отражено в известных нам источниках, и трудно сказать относится ли оно к прокладыванию границ киевским князем Семеном Олельковичем [5, с. 59] (правил в 1455–1471 гг. при короле Казимире), или установлению польско-турецкой границы в 1633 г. [17, с. 88]. Хотя интересно, что впервые столкнувшись с вопросом об определении своих владений, запорожцы не нашли другого аргумента, как сослаться на границы государства, к которому они принадлежали до перехода в российское подданство.

Напряженные отношения центральной власти с Запорожьем накладывались на внешнеполитическое осложнение, возникшее из-за протеста Порты против строительства Каменного Затона. 2 декабря 1704 г. российский посол оправдывался в Стамбуле, что эта крепость возводится исключительно для

противодействия нападением запорожцев на турецких подданных, как и набегам крымцев на российских, и что именно эти степные наездники сговорились и возводят напраслину, дабы поссорить обе державы. Кроме того, Каменный Затон лежит «выше Сечи Запорожской», что, как считала российская сторона, не противоречит мирному договору [8, с. 717-723]. Состояние географических знаний того времени позволяло делать такую отговорку, поскольку эта крепость действительно, если смотреть на русло Днепра, находилась выше Сечи, но все-таки располагалась на его левом берегу, выступая в сторону Крыма. Это была одна из лакун в договоре, которой воспользовалась Россия. Поскольку в Стамбуле продолжалась борьба группировок, отразившаяся на частой смене визирей и «неразберихе», Порта воздержалась от утверждения границы, проложенной в районе р. Ея, и не спешила отправлять своего уполномоченного для нового разграничения с Россией. В связи с этим, 17 июня 1705 г. Украинцев получил указание не вступать в переписку с силистрийским пашою, а ждать от него «отповеди» [6, с. 46].

Тем временем, наметилось решение проблемы, связанной с Запорожьем. Получив от царя и гетмана заверение о том, что его интересы будут учтены при разграничении (царскую грамоту отправили в Сечь 27 июня [10, с. 72-73]), а также подарки, Гордиенко стал вести себя менее резко. Он уверил Украинцева, что у него и мысли не было посылать казаков для воровства его лошадей, и если кто из запорожцев и задумал такое, то был бы казнен. Свое намерение выступить «со всем Войском» к Кизи-Кермену, в случае прибытия туда Украинцева, кошевой объяснил не злым умыслом, а дабы «знать, где будет чинитца граница» [6, с. 42, 44]. Запорожцы согласились содействовать разграничению, хотя напряжение в их отношениях с гетманом осталось. Булаву, присылку которой от него ожидали в Сечи, запорожцы с сарказмом обозвали «колокольным языком ис штибным железом» [6, с. 44-45] и выговаривали ему за плохие подарки от царя: «не соболи, але голие шкуркы»

[4, с. 970]. Они продолжали настаивать на своих правах на отдельные районы на правом берегу Южного Буга. 5 июля Гордиенко в письме Мазепе ссылался на прецеденты XV в.: «як віку старожитного было граничное постановление утверждено преславной памяти от антецессора королей полских Витута (о чом вел[можность] ваша, відаем, же и барзо свідомы) по Буг землю, где ныні городище старого Очакова именується, а водою потоль, запусившися конем з берега у море, аж копитом замлі поколь не может засягнути, по тое місто водою з Турецкою Портою тих часов зазначена єсть граница». Посему, кошевой требовал, чтобы разграничение производилось «ведлуг давней постанови» [4, с. 968], хотя и не мог ее предъявить в виде официального документа.

3 августа Украинцев наконец отчитался о встрече с турецким уполномоченным Кочь-Магмет-эфенди в урочище Мигия, что в среднем Побужье; представитель Порты нарочито не подымал вопрос о Каменном Затоне, который ранее тормозил процедуру разграничения. На тот момент думный дьяк уже успел составить карту («чертеж») мест, на которых предстояло проложить границу. Примечательно, что данная карта использовалась во время работы комиссии, что указывает на отсутствие подобного материала у турок; это был важный козырь в руках россиян. В ходе первых заседаний комиссии стороны не смогли договориться об исходной точке, от которой можно было вести границу с запада на восток. Порта, уже успевшая размежевать свои владения с Речью Посполитой в 1703 г., настаивала, чтобы начальным пунктом было место впадения р. Синюха в Южный Буг. Согласие с этим предложением, как полагал думный дьяк, было чревато риском того, что издавна используемые запорожцами и жителями Гетманщины степные и приморские промыслы окажутся под контролем турок, и тем «учинится малороссийскому народу обида, и будет от народа, а наипаче от запорожцов за то негодование». Украинцев также уловил, что принятие этого предложения предполагало автоматическое признание Россией прав Речи Посполитой на отдельные районы правого берега Южного Буга, что позволяло

последней в одностороннем порядке провести межевую линию по р. Синюха и далее через степь к Черному лесу. На тот момент гетман Мазепа устранился от рассмотрения пограничных дел и объяснил это Украинцеву тем, что получил царский приказ выступить в поход к Сандомиру. Не рискуя брать на себя единоличную ответственность за решение данного вопроса, думный дьяк предложил «президенту посольских дел» Ф.А. Головину сделать вывод из 7-й статьи мирного договора между Польшей и Россией 1686 г. [6, с. 58-60]. По заключению Головина, представленному царю, «земли, которые ... турки ныне межеванья меж Богом рекою желают, изстари вашему владению не принадлежат... С Польшею в мирном постановлении о них не упомянуто ни на ту, ни на другую страну» [8, с. 955].

При таком положении вещей, российскому правительству оставалось только буквально следовать Стамбульскому миру, в котором прописано, что территория от Кизи-Кермена до Очакова остается за Османской империей, и наблюдать за выполнением обязательств Порты воздержаться от ее заселения. Интересы Войска Запорожского и Гетманской Украины можно было учесть только детализацией 6-й статьи этого договора, предусматривавшей право подданных обеих держав использовать Перекопскую степь (от р. Миуса до низовья Днепра) для своих хозяйственных нужд без создания стационарных поселений [10, с. 69]. В связи с этим, было принято предложение Украинцева, чтобы со стороны Запорожской Сечи «явных знаков, буде мочно, границы не чинить, но токмо писмами в том обязатца; буде ж и турки того не позволят, то и копцы земляные по крайней мере поставить, но притом в межевой записи выговорить подлинно, дабы по мирным договорам и по прежнему обыкновению на обе стороны подданным в тех по договорам в пусте быти имеющих местах волность была в ловлях рыбных и звериных, и в соляных промыслах и лесном рублении безвозбранно». Это предложение Головин обсудил с Мазепой (примечательно, что копия «чертежа» Украинцева гетману не передали) и затем представил для утверждения царю. 4 сентября Головин

сообщил Украинцеву о конфирмации его предложения и пожелании, в случае возможности, «определить те места без межеванья», а от турок требовать письменного обязательства пропускать запорожцев и гетманцев на эту территория для их промысловых и торговых дел без малейших препятствий [8, с. 955-956, 959-960].

3 сентября Украинцев приступил к переговорам с Кочь-Магмет-эфенди о разграничении проблемных участков. Думный дьяк начал с утверждения, что в мирных договорах «от полского рубежа и от реки Бога до Днепра граница не написана, а оставлены те места пусты на употребление обоих государств народом». Турок парировал: «казыкерменские места мирным договорам уступлены Атаманскому государству и надобно между ими и Сечею Запорожскою учинить границу, чтоб всякой знал, на которой стороне чья земля будет, так, как учинена граница с немцами, и с поляками, и с венетами». Украинцев использовал аргумент: «с немцами, и с поляками, и с венетами учинена у них граница по договором, потому в договорех у них имянно написано между которыми городами, и уездами, и реками, и где, и с которого места и по которое вести линию, или границу, и по тем договорам граница с ними и учинена». Кочь-Магмет: хоть в договоре с Россией граница в этих местах не обозначена, только при других условиях не будет приступать к разграничению. Украинцев попытался зацепиться за трактовку «пустого места» как того, что не имеет границы, «и ныне для чего трудить то крепкое мирное постановление новою границею, которая не что иное, токмо разделение тех пустых земель, никогда небывалых, принесет людям обоего народа великое смятение, и повседневную трудность, и хлопоты». Тем подразумевалось, что если Южный Буг и впадающие в нее реки, верховья которых находятся в российском владении, а низовья, Буга и Днепра останутся во власти Порты, то «и промыслы, и добычи запорожских казаков и городского народу малороссийского в тех реках отымутца». Кочь-Магмет-эфенди на это ответил, что не уполномочен вести разграничение при таких условиях и должен

согласовать этот вопрос со своим правительством [6, с. 957-958], тем самым намекнув на затягивание переговоров о границе, столь невыгодное России, которая пока безуспешно воевала с Швецией.

В результате «несколько десятъ съездов и разговоров», турецкий и российский комиссары наконец пришли к компромиссу: начинать границу с того места, где закончилось польско-турецкое разграничение 1703 г. (на чем настаивала турецкая сторона), ее прокладка производилась без выезда на места, «но токмо будучи на оном съезде месте», по карте, составленной Украинцевым, без установки «явных знаков» на территории, где она проходила (требование российской стороны). Порте разрешалось владеть неукрепленным «селом» и «перевозом» на месте разрушенной крепости Кизи-Кермен, как инфраструктурными объектами, служащими к пользе турецких и российских подданных, отправляющихся на промыслы или для торговых дел. Т. е. граница почти никак не была обозначена в натуре и прокладывалась только по карте и на страницах документов. Она шла от устья р. Синюха к урочищу Мигия («до наших комиссарских обозов»), отсюда тянулась по р. Южный Буг до места, находящегося в двух часах конской езды до р. Ташлык (по-турецки – Большой Канар), от нее по прямой линии пересекала речки Мертвовод, Еланец (Енгулю) в месте его впадения в р. Ингул, Малый Ингулец по Бекенескому броду, отсюда – напрямик до устья р. Каменка, впадающей в Днепр. В таком виде граница Османской и Российской империй была зафиксирована в «Межевой записи», подписанной Кочь-Магмет-эфенди и Украинцевым 22 октября 1705 г. и содержащей заключительное положение: «се наше граничное постановление иными комиссиями и на иных местах да не будет всчинатися» [10, с. 324-326].

Порта довольно быстро ратифицировала эту «межевую запись», а царь Петр «о турецком деле с немалой радостью слышал». Хотя утверждения границы возле р. Ея так и не последовало, об этом российский посол в Стамбуле безуспешно подымал вопрос 10 января 1706 г., хотя и с удовольствием констатировал, что даже при смене везира султан не собирался пересматривать

границу с Россией [9, с. 692, 694, 700]. В свою очередь, Петр I, занятый Северной войной, подавлением восстаний К. Булавина, в Астрахани и на Тереке, избегал малейшего пересмотра договоренностей с Османами.

Итак, турецко-российское разграничение 1704–1705 гг. представляло собой совокупность процедур делимитации и частичной демаркации государственной границы. Применение этих процедур исходило из опыта определения границ между Речью Посполитой и Османской империей в степных условиях со второй половины XVI в. Район р. Ея был условно делимитирован во время подписания договора в Стамбуле в 1700 г. и демаркирован в 1704 г.; в отношении междуречья Южного Буга и Днепра произведена подробная делимитация без осуществления демаркации; территория от устья Днепра до р. Миус (Перекопская степь) не была ни делимитирована, ни демаркирована. Пограничные общества оказывали согласованное противодействие установлению границы, во-первых, по причине чересполосицы и дисперсии своего расселения, во-вторых, из-за возрастания административного контроля, исходящего от их сюзеренов, договорившихся об изменении их устоявшегося уклада жизни. Это противодействие вынуждало оба правительства учитывать интересы своих пограничных подданных, что в значительной мере определило сохранение многих черт прежнего фронта в новой границы. По причине того же противодействия, обе империи допускали ограниченное представительство пограничных обществ во время разграничения: в демаркационных мероприятиях в районе р. Ея с российской стороны были задействованы донские казаки, а казаки из Азова выполняли служебную функцию, с турецкой – допущена часть ногайцев, крымские татары – лишь по служебной части; в делимитации буго-днепровского междуречья принимала участие гетманская старшина, слободские казаки играли служебную роль, однако запорожских казаков, крымских татар и ногайцев вовсе отстранили, по согласованию обоих правительств.

Данная граница, при всей ее заявке на линейность, сохранила в действии многие типичные черты фронта. Реакция пограничных обществ на ее установление во многом объясняет объединение запорожцев и части донцев (некрасовцев) с крымскими татарами и ногайцами, элиты которых выступали инициаторами и активными участниками войны Турции и России 1710–1713 гг. Границы 1714, 1741, 1774 и 1791 гг. по нарастающей реализовали те принципы, которые были задекларированы в заключенном в Стамбуле договоре 1700 г. и отчасти реализованы в 1704–1705 гг. На этом основании можно считать данное разграничение как начало длительного процесса преобразования фронта в территорию, разделяемую границами линейного типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв. : завоевание, колонизация и управление. Дисс. к. и. н. / П. А. Аваков. – Ростов-на-Дону, 2011.
2. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV – XVI вв. / И. Б. Греков. – М., 1963.
3. Загоровский В.П. Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII века) / В. П. Загоровский. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 3–23.
4. Источники для истории запорожских козаков / [сост. Д. И. Эварницкий]. – Т. 1. – Владимир, 1908.
5. Каманин И. М. К вопросу о козачестве до Богдана Хмельницкого / И. М. Каманин // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – Кн. 8. – К., 1894. – С. 57–115.
6. Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА) / [упорядник В. Мільчев]. – Запоріжжя, 2004.

7. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 2. – СПб., 1889.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 3. – СПб., 1893.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 4. – СПб., 1900.
10. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 4. – СПб., 1830.
11. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта : сравнительно-исторический подход / А. Рибер. // Новая имперская история постсоветского пространства / [под ред. И. Герасимова и др]. – Казань, 2004. – С. 199–222.
12. Санин О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в. Дисс. к. и. н. / О. Г. Санин. – М., 1996.
13. Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону / С. Г. Сватиков. – Вена, 1924.
14. Faroqhi Suraiya. The Ottoman Empire and the World Around It / Suraiya Faroqhi. – L ; N. Y., 2004.
15. Gemil Tahsin. Relațiile țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712) / Tahsin Gemil. – București, 1984.
16. Hammer J. de. Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine jusqu'a nos jours / J. de Hammer. – Т. 13. – Paris, 1839.
17. Kołodziejczyk Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents / Dariusz Kołodziejczyk. – Leiden ; Boston, 2011.
18. Konopczyński Wł. Polska a Turcja. 1683–1792 / Wł. Konopczyński. – Warszawa, 1936.
19. McNiel William H. Europe's steppe Frontier. 1500–1800 / William H. McNiel. – Chicago ; London, 1964.

В статье рассматриваются обстоятельства и ход разграничения владений Турции и России в начале XVIII в., а также отношение к нему пограничных обществ: запорожцев, ногайцев и крымских татар. Представлен вывод: и Россия, и Турция были заинтересованы в данном разграничении, однако ему препятствовали указанные пограничные общества из-за того, что видели в этом угрозу своим интересам.

Ключевые слова: фронтир, пограничные общества, Турция, Россия, запорожцы, ногайцы, крымские татары.

The article deals with the circumstances and the process of limitation the Steppe Frontier lands by Turkey and Russia in the early eighteenth century. As well as brought to the attention the border communities: the Cossacks, Noghais and Crimean Tatars. The conclusion: both Russia and Turkey were interested in this delimitation, but it was prevented these frontier society because they saw it as a threat to their interests.

Keywords: Frontier, societies of borderland, Turkey, Russia, Cossacks, Noghais, Crimean Tatars.